

ВЛАД РИВЛИН НЕУДОБНЫЙ РУССКИЙ

СБОРНИК НОВЕЛЛ

Skleněný
můstek
2015

Влад Ривлин

НЕУДОБНЫЙ РУССКИЙ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Влад Ривлин 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-040-5

Содержание

Предисловие

НЕУДОБНЫЙ РУССКИЙ

ПОКУШЕНИЕ

АДВОКАТ И СМЕРТЬ

БУНТ НА ПРОХОДНОЙ

БУТЫЛКА ВОДКИ И СЛОМАННЫЙ НОС

ВЗБУНТОВАВШИЙСЯ

ВОДКА БЕЗ ЛЬДА

ВРАГИ

ГРАНИЦЫ

ДВОРНЯГА

ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

МЕЗУЗА

МИЛОСЕРДИЕ

ПРОРОК

ПРОСТОЕ ДЕЛО

РЕВАНШ

РОМКА

СЛЕПОЙ БОСС

СПОР С БОГОМ

СТАРЬЁВЩИК

**СТЕНЫ
СУМАСШЕДШИЙ
ИЛИ БИЛЕТ НА РОДИНУ
ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ВАХТЁРА
Я – ТВОЯ ЖИЗНЬ
НЕМНОГО САТИРЫ
ДЕМОС И КРАТИЯ
РАННИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ
СЛОН И ХОРЁК
УМНЫЙ ПИСТОЛЕТ
МЫСЛИ О РАЗНОМ. СОН ХУДОЖНИКА
ИЗ ЖИЗНИ ФАЙЛОВ**

Предисловие

Все опубликованные здесь новеллы объединены одной темой – темой человека в экстремальных обстоятельствах, когда он остаётся один на один с несправедливостью, более сильным врагом, со смертью... Герои этих новелл – люди разные, но их объединяет ряд общих черт: они одиноки, они выделяются на общем фоне, у них свой внутренний мир, и им неуютно в мире реальном. Они не умеют или не хотят приспособливаться, но и приспособиться, как и выжить, для них совсем не главное. Гораздо важнее для этих людей остаться самими собой, сохранить себя как личность.

Невозможно победить смерть, но можно сохранить собственное достоинство. Невозможно переделать мир, но можно остаться самими собой в этой непростой жизни.

Они не всегда положительные, герои этих новелл, но всегда личности. Они яростно отстаивают своё «я» в нелёгкой, а порой и немилосердной жизни, идут против течения и борются, когда бороться вроде бы бессмысленно. Они не всегда побеждают, но всегда остаются самими собой.

И главное, они живые в своих поступках, в своих высказываниях. Перед читателем разворачивается театральное действо, только не в образах, а в строках.

Автор выражает глубокую признательность всем, кто помог ему в написании новелл этого сборника, – своим душевным участием, вдумчивым прочтением, дружеским одобрением или, наоборот, критикой.

Моя особая признательность Георгию Борисову Ангелову, Борису Иосифовичу Дубсону, Константину Варбу, Михаилу Юрьевичу Гнитиеву, Николаю Ивановичу Дорошенко, Татьяне Духлинской, Иосифу Абдурахмановичу Куралову, Николаю Николаевичу Николаеву, Владимиру Рысинову, Людмиле Васильевне Щипахиной, Исраэлю Адаму Шамиру.

НЕУДОБНЫЙ РУССКИЙ

— Я на этом месте десять лет проработал. Ты думаешь, легко в таком месте работать? Со стороны кажется, чего уж там, сидит себе этакий плешивый бездельник в шикарном лобби, одетый в строгий костюм, и ничего не делает. Может, в других местах, не таких престижных, как это, оно так и есть. Но чтобы здесь удержаться, тут одного желаний мало. Угодить богатым людям — это искусство, для которого талант необходим. Да-да, талант. Сколько здесь до меня народу перебивало — с большим опытом работы в дорогих гостиницах, с кучей рекомендаций, заканчивавших специальные курсы и т.д. и т.п. А удержался я один. Это врождённое — почувствовать, чего хочется хозяину. Такое не каждому дано, будь ты хоть дипломированным психологом. А я вот, кроме школы, нигде больше не учился, но в людях разбираюсь получше любого психолога. Почему? Я тебе скажу почему: потому, что я люблю богатых людей. Да, именно богатых. И ненавижу бедных. Если бы ты рос так, как я, ты бы сразу меня понял. У нас в семье было девять детей. Родители никогда не думали, чем будут нас кормить, на что одевать, учить профессии. Они гордились тем, что у них, видите ли, большая любовь, а всё остальное не важно. «Где есть для двоих, там и для третьего найдётся», — любил говорить мой отец. А там, где нашлось для троих, там найдётся и для четвёртого. Ну и так далее. Если бы ты знал, как до сих пор меня раздражает их убогая философия! Они только и делали, что отказывали себе во всём ради детей и тому же учили нас: прежде, чем что-то съесть, посмотри, все ли твои братья и сёстры сыты. Поделись, помоги, пожертвуй чем-то ради других... А я не хочу ничем жертвовать! Ни для кого! Всё, что я имею в жизни, я добился сам: выслужил, отвоевал, заработал! И ни с кем не собираюсь делиться: ни своими доходами, ни своими убытками! Может, со стороны кажется, что добился я в жизни вовсе не так уж и много. Есть немало таких, которые меня презирают, называя лакеем и лизоблюдом. Мои братья — первые. Мой старший брат как-то даже сказал мне, мол, тебе лишь бы при господах жить. Да, это так, и я этого не стесняюсь. При господах лучше, чем при бедноте. Мне хорошо при господах, и меня устраивает быть при них лакеем. Я люблю их, они это чувствуют и поэтому любят меня. Нет, конечно же, любят они меня не как равного. Но меня устраивает моя роль слуги — маленького человека с большими возможностями! Да, я не стесняюсь этого сказать, и пусть меня ругают как хотят: лакеем, лизоблюдом и кем ты только не хочешь. Любить богатых непросто. У всех свои причуды, а у богатых — особенно. Мои предшественники ругались: от них не то, что чаевых, снега зимой не выпросишь. Вон, хозяин целой сети дорогих ресторанов и дорогих высотных зданий

в городе бьётся чуть ли не в истерике, если узнает, что кто-то из гостей принадлежащего ему зала торжеств забрал с собой бутылку кока-колы, уже не говоря про бутылку вина. А старуха-миллионерша по пятницам бежит на рынок с огромной тележкой и там за бесценок, а то и вообще даром набивает свою тележку всем, что продавцы выбрасывают в конце дня: фрукты и овощи, которые больше нельзя хранить, просроченные сыры и колбасы, словом, абсолютно всё. Такие люди тяжело расстаются с копеечкой. Но мне от них нередко перепадает купюра-другая. Почему? Да потому, что чувствуют они во мне родственную душу! Поэтому постоянно прибавляют мне зарплату и балуют подарками к праздникам. Ты думаешь, если другой кто сядет на моё место, его тоже так будут баловать подарками и чаевыми? Чёрта с два! Потому что только я могу найти к ним подход. Кто ещё так будет возиться с их детьми: угощать сладостями, а тех, что постарше, – сигаретами, готовить для них кофе, приводить в чувство после перепою, замечать следы за ними, после их шалостей, если они, к примеру, родительскую машину разобьют или у них неприятности из-за девушек? Всё я! И родители их об этом знают. Где они ещё такого, как я найдут? В общем, жил я как в раю, пока не появился этот чертов русский. А как он появился, так всё сразу прахом пошло. Он пришёл к нам после армии. Служил где-то в горячей точке и считается как бы героем. Ну и как у многих героев, с головой у него нелады. То ли контузия даёт о себе знать, то ли ещё чего...

– Нет, он не буянил. Лучше бы уж он буянил, а то пророчествовать начал. Я, по долгу службы, за всеми тут присматриваю – должность у меня такая. Меня везде знают: и в полиции, и в службе безопасности и в муниципалитете... И даже в правительстве. Это я тут числюсь только вахтёром, а работаю как секретарь у здешних жильцов. Если где чего, я с полицией или безопасностью сразу связываюсь. Моё начальство мне целиком доверяет. Ну так вот, я и за охранниками тоже присматриваю по поручению начальства. А этот русский мне сразу не понравился. Ходит бледный весь, нервный.

– Ты чего? – спрашиваю я его. – Болееешь, что ли?

А он мне отвечает:

– Нет, не болею. Просто опять сигнализация сработала...

– Какая ещё сигнализация? – опешил я.

– У меня своя сигнализация. В области солнечного сплетения. Я всегда чувствую, когда должно случиться что-то очень плохое...

– С кем? С тобой?

– Не знаю, со мною или без меня, но что-то произойдёт очень скоро. И именно здесь.

– Здесь?

– Да, здесь. Красиво тут: шикарное лобби, квартиры и дуплексы,

о которых простой смертный может только мечтать. Но здесь пахнет смертью!

– Что за бред?!

– Поверьте мне, – усмехнулся он, – я никогда не ошибаюсь.

– Ты можешь увидеть смерть? – усмехнулся я.

– Увидеть не могу – этого, наверное, никто не может. Могу только почуять её. Понимаете, когда долго живёшь в постоянной опасности, когда ты не думаешь ни о еде, ни даже о воде, не говоря уже о сексе или ещё чём-то, у тебя вырабатывается особое чутьё. Вот я стал ощущать её.

– Кого?

– Смерть.

– Это у тебя с головой нелады. Может, от контузии, а может, от постоянных ночных смен. Но только ты, парень, свихнулся, оттого тебе и пахнет смертью везде.

– Не везде, а только здесь, в этом городе и в этом элитном доме. Нехорошее это место. Дурное.

– Может, для тебя дурное, а мне здесь нравится. Народ тут, конечно, большей частью с характером... Но у богатых свои причуды. К ним подход найти надо, тогда тебе будет хорошо. Тут ведь не каждый работать сможет. А я здесь, Слава Богу, с того самого дня, когда сюда первые жильцы вселились. И со всеми общий язык нашёл. Десять лет как один день! Жизнь здесь налажена, и ничего тут произойти не может!

– Что здесь может быть?! Всё здание напичкано камерами, датчиками, жучками... Малейший шорох, движение, дым – ничто не останется незамеченным. На крышу могут сесть сразу несколько спасательных вертолётчиков, в случае чего... Разве что найдётся какой-нибудь псих или психи, которые попытаются протаранить это здание, как 11 Сентября. Только я тебе по секрету скажу, что, во-первых, на этот случай уже тоже кое-что предусмотрено, а во-вторых, где, когда, что и как взорвётся, решается именно здесь! Да здесь такие люди живут!.. Их даже смерть стороной обходит. Самая дешёвая машина на стоянке под домом стоит дороже твоей квартиры. Такую квартиру даже противотанковая ракета не возьмёт – сплав особый... А ты говоришь... Всё у них застраховано. Я даже читал, что недавно лекарство от старости изобрели. Для таких, как жильцы этого дома. Дорогущее. Всё лучшее в этой жизни создаётся для них. Но живущие здесь могут его себе позволить. Скоро изобретут лекарство от смерти, они станут бессмертными и превратятся в настоящих богов – с их-то деньжищами. Да, это будут настоящие боги, могучие и бессмертные.

– Не поможет.

– Что не поможет?

– Лекарство от старости и смерти. Тем, кто очень скоро умрут. Они умрут и ничего им не поможет.

– Иди лучше открой ворота на стоянке – сейчас жильцы начнут разбегаться.

– Ну а если я всё же окажусь прав? Меня интуиция никогда не подводила.

– Слушай, если ты такой умный, то чего охранником работаешь? Гаданием ты бы заработал гораздо больше.

– Это не гадание. Скоро вы сами всё увидите.

– Иди, иди!

– И всё-таки, что-то здесь будет...

Я как раз начальству доложить собирался об этом странном типе, когда он всё-таки успел испортить настроение одному из наших жильцов – влиятельнейшему банкиру. Это был ещё не старый, полный сил и энергии мужчина лет сорока с небольшим. В наш дом он вселился недавно. И вот, когда он выезжал со стоянки, этот русский как раз стоял на воротах.

– Что это ты на меня так смотришь? – спросил его банкир.

– Хочешь сказать, что я сегодня умру?

О способностях этого сумасшедшего знали уже все жильцы и посмеивались над ним.

– Да, – просто, как будто речь шла о чём-то обыденном, сказал русский.

– Посмотрим, – еле сдерживая гнев, ответил банкир, – если ты окажешься прав, то что ж, мне уже нечего будет тебе возразить. Но если ты наврал – ищи себе другую работу. И учти, теперь это будет сделать о-очень непросто, уж я тебе обещаю.

Банкир выехал за ворота, но потом оглянулся, высунувшись из окна своего шикарного, бронированного особым сплавом джипа и добавил:

– Убить меня не так-то просто.

Охранник ничего на это ему не ответил. А банкир, приехав к себе в офис, всё же вызвал к себе офицера охраны и велел усилить меры безопасности. Днём он вроде бы успокоился и решил навестить своего брата, служившего у банкира директором одного из банковских отделений. А там как раз в это время стал буяннить один из клиентов, тоже охранник, которому перекрыли счёт. Он сначала умолял и плакал, говорил, что ему нечем будет платить ипотеку и нечем кормить детей. Но начальник отделения был неумолим, как и положено банкиру. Тогда охранник вдруг напал на своего коллегу у входа, отнял у него пистолет, ворвался в офис, где сидели оба брата, и застрелил их, ещё несколько служащих, а потом и сам застрелился. Вот так вот, на ровном месте погиб человек ни за что, ни про что... Того русского после этой истории почти сразу уволили,

и с тех пор никто о нём ничего не знает. Но только с домом что-то неладное твориться стало. После смерти банкира тяжело заболел адвокат К. Был он одним из самых успешных и могущественных в стране людей, и, разумеется, деньги у него были. Но ничего ему не помогло, никакие лекарства, только мучения свои продлил. Дочь адвоката, жившая по соседству с родителями в этом же здании, спустя два месяца умерла от передозировки. Ну а дальше пошло и поехало: смерть за смертью. То кто-то из детей наших уважаемых жильцов погибнет в дорожной катастрофе или в пьяной драке, то у кого-то из жильцов вдруг обнаружится неизлечимая болезнь. Прямо мор какой-то. Уже проверяли этот дом и на наличие радиоактивной пыли: думали происки конкурентов, и на яды, и на что ты только ни хочешь. И служителей культа звали, отвалили им целое состояние, только бы они порчу с дома сняли. Ничего не помогло. Массовый падёж какой-то... Ну и начал народ отсюда съезжать, квартиры продавать и в новые, ещё более дорогие и в более безопасные места переселяться. Видать, и мне скоро придётся искать себе другую работу. Эх, какой дом был! И всё из-за какого-то русского, будь он неладен! Ну да ладно, богатые ведь от этого мора не переведутся, а мне такую работу найти – раз плюнуть: меня везде любят!

ПОКУШЕНИЕ

Солнечным весенним днём, в преддверии выходных, когда ничего не подозревающий всесильный министр Мурталов вернулся в свои столичные апартаменты на отдых и был уже около ворот своего трёхэтажного дома в стиле барокко, к нему вдруг подошла невысокая щуплая старушка лет восьмидесяти и почти в упор смачно харкнула ему прямо в физиономию. Охранники, не ожидавшие от старушки такой прыти, на какую-то долю мгновения пришли в замешательство, но уже в следующую секунду схватили покушавшуюся под бока. Впрочем, старуха никуда и не собиралась бежать.

– Это тебе от всех нас, – торжественно заявила старушка, – твоих избирателей!

Пока министр утирался, примчались полицейские, охранявшие дом, и люди из спецслужб.

– Вы задержаны, – объявил ей похожий на культуриста молодой парень в штатском. – Вы имеете право на адвоката, можете хранить молчание. Любое ваше слово может быть использовано против вас.

Но остановить бабку было уже невозможно:

– Пуганая я, чем вы меня напугать вздумали? Жизнь свою я

прожила... Фашистов видела, голод, смерть... Тюрьмой мне уже грозили, психушкой тоже. Своё я давно отбоялась и вас не убоюсь вместе с вашим хозяином.

– Заткнись! – прикрикнул на неё охранник министра. Он уже люто ненавидел бабку, потому что выходка сумасшедшей старухи могла стоить ему карьеры. Но старуха не слушала ни культуриста в штатском, ни охранника министра, ни полицейских и продолжала свой монолог:

– Мне восемьдесят два года. Свою жизнь я прожила честно – за что меня судить?

– Вы нанесли оскорбление министру и ответите за это! – крикнул один из переодетых полицейских.

– Министр? Какой министр? Я не вижу здесь ни одного министра. Только жулика-шарлатана и его обслугу, – будто издеваясь, ответила бабка.

– Заткнись, сумасшедшая старуха! – прикрикнул на неё культурист. – Живей забирайте её! Нужно срочно проверить её на СПИД, на бешенство и вообще на инфекционные заболевания. Иди знай, может, это тщательно спланированный теракт – плюется она как верблюд. Слюна попала господину министру прямо в глаз... Иди знай, какие последствия может иметь этот плевок при соприкосновении со слизистой оболочкой министерского глаза.

– Вы лучше своего хозяина на вшивость проверьте, – не моргнув глазом, посоветовала бабка.

– Да она просто сумасшедшая, – наконец пришёл в себя пострадавший.

– Я из ума ещё не выжила, – с достоинством ответила старуха. – Спятели те, кто позволили тебе министром стать.

– Толик, тебя нужно срочно госпитализировать! – визжала выскочившая на крики супруга министра.

– Хватит! – поморщился министр, – тоже мне, Фанни Каплан.

– Какой из тебя Ленин, – не унималась старуха. – Вы с вашим правительством его ногтя не стоите!

– Немедленно допросить старуху, – отдал распоряжение бритый наголо начальник спецслужбы. – кто, откуда и, главное, кто надоумил её это сделать.

Старуху увезли, а прибывшие врач и медсестра всё ещё продолжали оказывать помощь пострадавшему.

– Зачем вы это сделали? – спросил старуху следователь, после того как личность её была установлена.

– Зачем? – переспросила старуха. – Затем, что надоела мне его жирная самодовольная рожа, его постоянное враньё, пустые обещания, которые он никогда и не собирался выполнять. Чего ещё он заслуживает?

– Вы или сумасшедшая, или террористка! – не выдержал следователь.

– Какая из меня террористка? – усмехнулась бабка. – Стара я для террористики, глаза у меня уже не те, да и силы тоже.

– Но как-то же надо было наказать этого негодяя? – будто недоумевающая от непонятливости следователя, продолжала старуха. – Вот я и решила плюнуть ему в морду. Руки у меня уже слабые – пистолет мне не удержать. Да и где я его возьму? Съездить ему по морде мне тоже не по силам – вон у него какая охрана, куда мне прорваться!.. Но плюнуть этому жулику в морду я ещё могу, на это меня хватит! – голос старухи снова стал грозным, и следователь внимательно посмотрел на неё: вроде дряхлая, но иди знай, что у неё ещё на уме.

– Прекратите поясничать! – нетерпеливо обратился к ней следователь. – Вы нанесли оскорбление общественному деятелю, и теперь вам придётся пройти освидетельствование у психиатра, и если вы будете признаны вменяемой, то предстанете перед судом!

– Не боюсь я вашего суда, – спокойно ответила старуха. – Мне вообще поздно кого-то бояться. Да и не из-за чего – совесть моя чиста. Потому и не хожу с охраной, как ваш министр. Все жулики с охраной ходят. Если бы они не воровали, то и охрана им была бы не нужна. От кого они прячутся? От террористов? Да кому он нужен такой? У него же ни одной своей мысли нет. Также мне, общественный деятель! Кто в него стрелять станет, кому он нужен? Разве что такая, как я, – выжившая из ума старуха в морду ему плюнет. Другого он не заслуживает.

– Заткнись! – прорычал следователь.

– Ты мне рот не затыкай! – грозно прикрикнула на него старуха. – Не дорос ещё мне рот затыкать!

– Она просто сумасшедшая, – растерянно подумал следователь. – Что с ней делать? Закрыть бы её в психушке, и пускай там плюётся во все стороны хоть с утра до ночи.

Старуха тем временем не унималась:

– Это каким же дерьмом нужно быть, чтобы у стариков дома отнимать?! А сколько людей ваши министры сгноили: дипломы у них, видите ли, не те. Перед выборами они всем золотые горы сулят, обещали, что у всех стариков будет крыша над головой и никто не окажется на улице. А теперь всех нас распихали по клетушкам, как куриц на бройлерной фабрике. Инженеры да врачи задницы вашим старикам как мыли, так и моют, для молодёжи работы нет... Зато для себя у них все есть!

– Ничего, посидишь у меня здесь, заговоришь по-другому, – решил про себя следователь. Он уже решил держать старуху до упора, пока не сломается. Сама виновата. Но старуха, похоже, была

сделана из особого сплава стали. Вечером она объявила голодовку и с тех пор не проронила ни слова.

Тем временем полиция уже навела все справки о покушавшейся. Это была одинокая старуха из переселенцев, жившая в приюте эконо-класса, где держали стариков, у которых не было ни более-менее солидных сбережений, ни приличной пенсии. За время своего пребывания в богадельне она успела со всеми перессориться. Единственным человеком, навещавшим её, была племянница, да и та последнее время прервала с ней общение.

Нелёгкой была судьба у бабы Ани. После войны нужно было младшим помогать, да и как семью создашь, когда стены в бараке картонные, а старые кровати – скрипучие? Хотела на врача учиться, да где там... Отец умер в лагере ещё до войны – соседи донос написали, чтобы их комнату заполучить. Мать одна тянула всю семью, и нужно было ей помогать. Аня уехала на Целину и там встретила свою первую и последнюю любовь в жизни. Он был старше её на семнадцать лет – фронтовик, вся грудь в орденах, да в ранах. Всю его семью немцы во время войны повесили, может, от того и пил он много. Да и старые раны давали себя знать... Работал много и тяжело. Хоть и пил, но был не алкашом, а трудоголиком.

– Работать – так работать, – говорил он. Бывало, еле встанет среди ночи с кровати, когда в ночную смену выходить, морщится от боли, а на её тревожное «Что с тобой?» всегда отвечал одно и то же: «Будет хорошо!» Берегла она своего Сёму как могла, да не выходила – умер от ран. После его смерти больше ни о ком и слышать не хотела... Так и состарилась одна. Младшие братья и сёстры выучились – кто на врача, кто на инженера. А самый младший в Москве теперь профессорствует – прежнюю власть на чём свет ругает, по телевизору рассказывает, как всю жизнь при Советах голодал, а сам аж лоснится от сытости. Бабка своему братцу сказала однажды:

– А выучил-то тебя кто? – на что братец презрительно ответил: – Что ты вообще понимаешь?

После этого она со своим братом больше не разговаривала. Да никто особенно и не стремился к общению с ней: неудачница, характер – не приведи Господь! Да ещё вечно с ней какие-нибудь проблемы. Ну кто её за язык дёргал?! Нет, нужно же ей было с парторгом целого объединения сцепиться:

– Такие, как вы, замучили моего отца! – сказала при всех, прямо в лицо тому жирному борову с красной рожей. Борова тогда на месте чуть кондрашка нехватила. И всё из-за того, что тот нелестно отозвался о бывшем директоре, которого все любили, назвав того сталинским выкорышом.

Закрутилось дело, но Аню трогать не стали: времена другие, да и в передовицах всю жизнь ходит. Так и работала, пока силы были, уже и после выхода на пенсию.

– Не могу я дома сидеть, – говорила она, – а к работе мне не привыкать.

А потом Перестройка началась, беспокойно стало: отовсюду повылазили мелкие и злобные людишки, которые предприятия все растащили, разворовали, жить стало не на что, и народ подался кто куда. Строители, учёные, инженеры, рабочие – все стали не нужны вдруг. Что уж о стариках говорить?.. Снялась с насиженных мест и бабушка Аня.

На новом месте приняли её хорошо: сначала место в общегитии дали, потом пособие небольшое назначили. Обещали дать отдельную комнату, но в конце концов дали такую клетушку, что и не повернуться толком.

– Не нравится – сами снимайте квартиру и живите, где хотите, – сказали ей в социальной службе.

Старуха только губы поджала – откуда у неё деньги на аренду?.. Всю жизнь проработала, а как ударил дефолт, так сразу без всего и осталась, подобно многим. Квартиру свою продала за копейки, как раз тогда, когда они ещё дешёвыми были. Никогда она не умела деньги делать, только работать хорошо на любой работе: и хлеб пекла, и на стройках маляром работала. А вот ведь как жизнь повернулась на старости лет... Ну да ей не привыкать – и не такое видали. Да вот только... Если бы как в войну – все так все! А тут одни не знают куда «баблo» девать, а нищие старики да беспризорники милостыню просят в переходах. Как так получилось, что те, кто всю жизнь проработали, вдруг остались ни с чем, а молодые люди, ни дня не работавшие ни на стройке, ни в поле, вдруг стали обладателями баснословных состояний? Эти вопросы постоянно мучили старуху, иногда она не выдерживала и спрашивала об этом соседей.

– Нехорошо чужие деньги считать, – весело отвечали старики.

Старуха злобно молчала, а потом вдруг появился в их богадельне энергичный круглый мужчина средних лет, который взахлёб говорил о царящей в стране несправедливости и обещал всё изменить, если такие, как старики и их дети, ему помогут.

– Вот мои письменные обязательства перед вами, – торжественно заявил кандидат на одной из встреч со своими избирателями. – И, если я вас обману, вы сможете меня тут же отозвать из правительства.

Растроганные избиратели дружно аплодировали ему.

– Святой человек, – растроганно повторяли они. Правда, после выборов выяснилось, что свою декларацию министр забыл подписать. А позже пошёл слух, что он вообще никакого отношения к данному документу не имеет. А в те дни, когда ещё кан-

дидат в министры выступал перед своими избирателями, старуха не выдержала однажды, вылезла на сцену и высказалась обо всём наболевшем. Говорила она долго, но кандидат от партии «Порядок и справедливость» всё это время терпеливо её слушал и сочувственно качал головой.

– Внешность может ведь быть и обманчивой, – подумал старуха и... поверила. Во время предвыборной компании она без устали бегала по всему городу, расклеивала плакаты и страстно агитировала за круглолицего. Однажды он её даже лично поблагодарил. Когда его избрали, у него сотоварищи тут же нашлись, более срочные дела, за которыми он забыл и о стариках, и обо всех остальных своих избирателях. Вспоминал он о старичьё только во время очередной предвыборной компании. Старики бурчали, да и не только они. Но порядок навёл представитель кандидата – самоуверенный молодой человек с пьяными глазами, не то от презрения к окружающим, не то от любви к себе.

– Слушайте меня внимательно, – объявил собравшимся старикам представитель министра. – У вас есть один-единственный шанс не остаться на улице: проголосовать за нашу партию. Не проголосуете – пеняйте потом на самих себя.

На несколько минут в зале торжеств дома престарелых воцарилась мёртвая тишина, которую нарушил голос старухи.

– Вы же всем нам обещали достойное жильё пять лет назад. Тогда вы обещали построить для нас целые города. А ещё вы обещали, что скоро никто не будет нуждаться, что у стариков будут хорошие пенсии, что у молодёжи будет работа и бесплатная учёба, что инвалиды смогут достойно жить на свою пенсию... Где всё это?! – патетически воскликнула старуха.

– В общем, так: не проголосуете за нас – и этого лишитесь, – с невозмутимым видом заявил представитель. Старики понуро молчали, и только бешеная бабка, как её все и в лицо, и за глаза называли, опять встряла:

– Да подавитесь вы своими подачками!

Молодой человек недобро усмехнулся и стал корить бабку.

– Кто вы такая? – высокомерно обратился он к ней и тут же, переходя на «ты», на полном ходу наехал на инсургентку:

– Да тех денег, которые тебе здесь дали на первое время в качестве помощи... ты о них даже и мечтать не могла. Ты иномарок там у себя и в глаза не видела. Вам там жрать нечего было. А сюда приехала и права качаешь?! Люди вон там в тюрьмах по десять лет сидели, за то, что бизнес свой посмели открыть, а ты...

– Мне дела нет ни до ваших заслуг, ни до ваших страданий! – отрубил старуха. – Вы за свои заслуги хорошо получили. Да и перед кем ваши заслуги? Перед такими же ворюгами, как вы сами?

Молодой человек лет сорока не ожидал такого натиска и перешёл к круговой обороне:

– Да там у вас вообще людей ценить не умели – я вот садовником работал после института!

– Ты тупой был, поэтому тебя нигде на работу не брали, – напирала бешеная бабка. – А сюда приехал, здесь ты свой. Вам учёные и инженеры не нужны, как же. Вам только такие же, как вы сами, нужны и ещё рабы, чтобы на вас работали.

– Ах ты дрянь! – великодушие помощника мигом улетучилось. – Мало тебе того, что ты от нас получила?!

– Не нужны мне ваши подачки! Ты лучше скажи мне: зачем вы звали сюда людей, если ни работы, ни жилья здесь нет?

– Вы вообще получили слишком много. Живёте как в раю, – упорствовал представитель.

– Пускай твои дети и внуки так живут!

– Заткнись! – выдавил из себя помощник, раздувшись от негодования.

– Сам заткнись, а то лопнешь, – скривила в презрительной усмешке рот старуха. И, оглядев помощника с ног до головы, добавила:

– Подобрали тебя под стать боссу.

– Заткнись! – прошипел председатель местной ячейки.

– Ты всех нас погубишь!

– Что ж, облизывайте своего хозяина дальше, – бросила бабка и с гордо поднятой головой покинула зал торжеств в богадельне.

После её ухода в зале воцарилась немая сцена. Вскоре, однако, местный актив стал собирать подписи в поддержку своего министра, обещая лояльным щедрые подарки к праздникам и бесплатные экскурсии.

– Без него всем нам крышка! – патетически восклицали активисты, агитируя за своего хозяина. – Нельзя допустить засилья чёрных! Подписали все, за исключением сумасшедшей старухи.

– Продалась левакам? – прошипел высокий худой старик, активист местной ячейки. С ним были ещё трое, члены местного дома с суровыми морщинистыми лицами.

– Это вы продались, а не я, – спокойно ответила старуха.

– Ну, смотри, – пригрозил главный, – допрыгаешься у меня. Вылетишь отсюда в два счёта!

Старуха в ответ только презрительно усмехнулась и захлопнула дверь перед его носом.

– Вот потому она и одна, – злобно шушукались старики. – Ни детей, ни внуков.

Действительно, из всех родственников только средняя сестра её жалела, и племянница в неё пошла. Злые языки говорили, что старуха время от времени подбрасывает ей сотню-другую и даже собирается

завещать свои скромные сбережения, отложенные пособия, потому та и ходит к старухе.

Революционный настрой старухи никому в богадельне не нравился, но её вынужденно терпели. Последней каплей был дебош, который старуха устроила на банкете в честь официального государственного праздника. После торжественных речей старики сели за праздничный стол и налегли на угощение. Настроение у всех становилось всё более праздничным, уже и бутылки с сухим вином на столах опустели наполовину, и тут в дверях зала торжеств при богадельне появилась бешеная бабка, как прозвали старуху.

– Вам не стыдно всё это жрать?! – накинулась Анна Моисеевна на своих соседей по богадельне.

– А что? – растерялись старики.

– Не вы ли постоянно плакали, что вас здесь за людей не считают, что пособий едва хватает, а сейчас вас накормили на десять рублей и вы уже довольны?!

– Слушай, не нравится тебе, так чего пришла тогда? – зашипели соседи. – А ну пошла отсюда!

– Тыфу на вас! – негодуя плонула старуха на пол, удаляясь.

– Неблагодарная! – возмущались воинственные старики ей вслед. – Ещё и праздник людям испортила!

Вот после этого ей и устроили тёмную, когда она вечером возвращалась с рынка.

– Вы знаете тех, кто на вас напал? – спросил её полицейский в больнице.

Старуха только усмехнулась:

– А вы разве не знаете?

Следователь нахмурился.

– Я понимаю, что вам сейчас тяжело говорить, но постарайтесь ответить мне на поставленный вопрос: если вы знаете, кто на вас напал, то назовите имена нападавших, а если нет, то так и ответьте: «Не знаю».

– Пишите, что хотите.

– Так и запишем: нападавшие пострадавшей неизвестны... Подпишите здесь.

Старуха подмахнула бумагу, и следователь, с удовлетворением взглянув на документ, сложил бумаги в портфель и, пожелав старухе скорейшего выздоровления, удалился.

Единственной, кто за всё время пребывания старухи в больнице навестил её, была племянница – уже не молодая женщина, биолог по профессии. Не надеясь найти работу по своей специальности, она закончила секретарские курсы, но это ей не помогло. Она без устали рассылала свои резюме, ездила по всей стране в поиске работы, но ей везде отказывали.

– На каком основании тебе отказали? – допытывалась бабка у племянницы. – Ты можешь толком мне объяснить?!

– Нет бюджета, – развела руками племянница, – ты же знаешь, сколько сейчас безработных, да и возраст у меня...

– Так бюджета нет только для тебя? Из-за возраста?

– Ну да.

– А для себя у них есть?

– Думаю, что да. Но не будут же они от себя отрывать.

– Ну, конечно, им же ничего не останется! – ядовито усмехнулась Анна Моисеевна.

– Аня, ты не забывай, сколько мне лет, и сколько людей приехало.

– Я сейчас расплачусь, так мне жалко всех этих чинуш наверху. В общем так: раз ты не можешь им сказать, то скажу я, – решительно заявила старуха.

– Что ты задумала?! – всполошилась племянница.

– Не волнуйся, тебя не тронут.

– Я за тебя волнуюсь!

– Я уж как-нибудь за себя постою. И за вас всех, раз вы за себя постоять не можете.

– Господи, ну почему тебе всегда нужно больше всех?!

– Мне не больше всех нужно, мне нужно для всех – для таких, как ты!

– А ты нас спросила?

– Все вы поклоняетесь только силе и плевать вам на честность, на справедливость, только бы что-нибудь перепало!

– Ну а ты много своей революционностью добилась?! На что ты вообще надеешься? Ты ничего не добьешься! Тебя сгноят.

– Ну, так хоть человеком останусь!

Племянница махнула рукой – старуху не переубедить. Больше она к своей тётке не приходила.

Выписавшись из больницы, старуха вдруг исчезла. След её обнаружился только через три дня возле дома круглолицего министра, где она сидела, как профессиональный киллер, выслеживая свою жертву. Улучив момент, когда министр вылез из персональной машины и направился к своему дому, она приблизилась к нему почти вплотную. Охранники не обратили внимания на высохшую старушонку, а та, почти в упор, смачно харкнула министру прямо в физиономию. Несмотря на скандал, дело это, однако, закончилось для бабы Ани благополучно: министр оказался великодушным и не подал против старухи иск в суд. Так что старуху пришлось отпустить. Да и вообще эта история с покушением огласки не получила: не тот масштаб у бабки, к тому же и время не то шум поднимать, нежелательное внимание к себе привлекая. И вообще, сколько этой старухе осталось?..

Ей выделили отдельное жильё на периферии, откуда до ближайшего райцентра нужно было добираться часа три, да ещё с пересадкой. Короче говоря, об этой истории скоро забыли, а министр отсидел полностью свою последнюю каденцию, вышел на пенсию и занялся бизнесом, одновременно получив пост президента в крупном неправительственном фонде. Старуха же доживала свой век в глухой провинции. Лишь однажды кто-то, присутствовавший при этом инциденте, возмущался в компании посвящённых: «Ишь ты, пособие старуха получает ни за что, отдельную комнату ей дали, приняли как родную, а она... Вот тебе и благодарность!» Но после этого об инциденте забыли совершенно, и уже никто не помнил ни о покушении, ни о бешеной бабке, доживавшей свой век в глухой провинции.

АДВОКАТ И СМЕРТЬ

Адвокат Мордехай Шалман был смертельно болен и ясно осознал, что скоро умрёт. В том, что рано или поздно ему придётся умереть, он никогда не сомневался и, как ему казалось, всегда относился к этой неизбежности философски. Как говорится, чему быть, того не миновать. Но он никогда не предполагал, что всё это будет так чудовищно и нелепо.

В том, что произошло с ним, не было никакой логики. В этом он был абсолютно уверен. Ведь он был богат и могуществен, почти бог, а боги не болеют и не умирают. Узнав страшный диагноз, он был уверен, что это ошибка, потому что такое может случиться с кем угодно, но только не с ним. Ведь он – баловень судьбы, всегда и везде первый, самый лучший из всех в своём деле и вообще самый-самый... К тому же, он всегда вёл здоровый образ жизни и единственной его слабостью было курение. Курил он много, почти без перерыва, и на все предупреждения о смертельных недугах, вызываемых этой привычкой, лишь усмехался. Дорогие сигары были его страстью и являлись для него своего рода ритуалом. Закончив дела и удобно устроившись в своём кресле на веранде или в просторной гостиной, он любил не спеша раскурить дорогую сигару. Однако с началом болезни этой традиции пришёл конец, и теперь начатая ещё полгода назад коробка сигар неизменно стояла на видном месте в его кабинете. Но Шалман больше к ней не притрагивался и даже не смотрел на свои любимые сигары, а лишь постоянно с тревогой прислушивался к своему организму, пытаясь разобраться, что же с ним происходит. Когда диагноз был многократно подтверждён и никаких сомнений по поводу болезни уже не оставалось, он совсем сник и теперь плакал по любому поводу.